

Джон Р. Онил, Брюс Рассетт

**Подтверждает ли «война против терроризма» тезис
о «столкновении цивилизаций?»
Анализ некоторых свидетельств¹**

По мнению некоторых наблюдателей, «война против терроризма» являет собой иллюстрацию того самого противостояния «Запад против ислама», что было предсказано Сэмюэлом Хантингтоном в книге «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». Книга эта оказалась одной из наиболее влиятельных работ, написанных за последнее время по вопросам международных отношений, и обрела новую жизнь после 11 сентября 2001 г. Отзывы на нее были разные – от хвалебных до уничижительных². Подобно

---

¹ Настоящая статья представляет собой переработанную и обновленную версию главы из книги авторов (Russett, Oneal, 2001, ch. 7), которая, в свою очередь, является переработкой статьи Russett, Oneal, Cox (2000). Poleмику между авторами настоящей статьи и Хантингтоном см.: Huntington (2000) и Oneal, Russett (2000). Наши данные можно найти на сайте <http://www.yale.edu/unsy/democ/democ1.htm> или http://bama.ua.edu/~joneal/triangle_data. Расширенная версия этой статьи будет опубликована в готовящемся к изданию томе: P. Hermann, A. Tausch (eds.), *Dar al Islam, The World System and Ultimate EU Enlargement*, Nova Science Publishers, Hauppauge, New York.

² В книге, опубликованной в 1996 г. (Huntington, 1996), Хантингтон расширяет рамки своего исследования и вносит в него отдельные изменения по сравнению с более ранними публикациями (Huntington, 1993a, 1993b). Все постраничные ссылки на Хантингтона относятся именно к вышеупомянутой книге. Выводы Хантингтона получили самую восторженную оценку у Курта (Kurth, 1998); к числу же беспощаднейших его критиков относятся Холмс (Holmes, 1997) и большинство авторов, приславших свои отзывы в “Foreign Affairs” 1993, 72 (4): 2-21. Один из лучших ответов Хантингтону принадлежит перу Типсона (Tipson, 1997), непревзойденному к тому же в своем остроумии. Среди получивших широкую популярность книг, посвященных вопросу о якобы значительном влиянии, оказываемом культурологическими различиями на развитие международных конфликтов, следует отнести Каплана (Kaplan, 1993) и Монихена (Moynihan, 1993).

прочим работам Хантингтона, она остроумна, не содержит скучных пассажей и провоцирует читателя теми тезисами, которые предлагает автор. Цель ее (С. 14) – создать «фото-объектив для интерпретации развития международной ситуации, более подходящий и удобный, чем какая бы то ни было иная парадигма». Книга требует к себе внимания. В ней, казалось бы, выявлена суть ряда важнейших текущих конфликтов – например, между США и Ираком. Она вполне адекватно объясняет историю войны между Сербией и НАТО – хотя и не ту важную ее часть, когда НАТО стало союзником албанских мусульман – национального меньшинства Сербии. Есть соблазн видеть в нынешней «войне с терроризмом» подтверждение зловещего пророчества Хантингтона, однако подобная точка зрения игнорировала бы многообразие мнений, существующее в исламском мире, что подчеркивается, например, президентом Бушем. Даже и для тех конфликтов, которым это пророчество вроде бы соответствует, можно найти более подходящие объяснения. Ни об одной научной гипотезе нельзя судить изолированно, без сравнения ее с конкурирующими гипотезами, равно правдоподобными.

Главное утверждение Хантингтона (С. 321) состоит в том, что «столкновения цивилизаций представляют собой величайшую угрозу миру на земле» и что «в мире после “холодной войны” наиболее важные различия между людьми отнюдь не идеологические, политические или экономические. Они культурные» (С. 21). Хантингтоновский тезис звучит весьма убедительно. Страх и ненависть по отношению к тем, кто чем-нибудь от нас отличается, очень знакомы – как внутри обществ, так и на международном уровне. И в то же время правильность тезиса Хантингтона вовсе не так уж очевидна. Нации, включающие в себя население различной этнической принадлежности, мирно сосуществуют в самых разных частях света, и во многих странах есть неоднородные группы, которые бесконфликтно общаются между собой. При этом нельзя не отметить, что до середины двадцатого века межгосударственные конфликты были отличительной чертой именно западного мира. Особенно драматично это проявилось в периоды двух мировых войн, когда погибли десятки миллионов.

Ключевую тему автора можно сформулировать так: «культура и культурологические идентитеты, которые в наиболее широком смысле – идентитеты цивилизационные, формируют закономерности единения, дезинтеграции и конфликта

в мире после «холодной войны» (С. 20). Таким образом, аргументация его практически не касается отдаленного прошлого и лишь отчасти применима к первым десятилетиям «холодной войны». Но после Иранской революции 1979 г. завязалась «межцивилизационная квази-война между исламом и Западом» (С. 216; тж. см. С. 185), а в 1980-е гг. конфликты между цивилизациями все чаще приходили на смену конфликтам между коммунистами и капиталистами. В будущем многие из наиболее яростных и затяжных международных конфликтов будут возникать в местах «цивилизационных рубежей» или «разломов» (С. 253). «Взаимодействие между властью и культурой станет решительно определять формы союзов или антагонизма между государствами в грядущие годы» (Huntington, 1999: 46; выделено нами).

Перспектива столкновения цивилизаций – глобальная идея, могущая иметь огромнейшие последствия для формирования политических курсов. Подобно другим глобальным идеям, она несет в себе потенциал того, чтобы стать не просто инструментом аналитической интерпретации событий, но и – если получит широкое распространение – средством формирования событий. Хантингтоновская теория может стать самоисполняющимся пророчеством, усиливающим конфликты или провоцирующим их там, где иначе их не было бы вовсе. После столетия, потрясавшегося великими войнами, когда мы давно уже живем в эпоху оружия массового уничтожения, «ничто не было бы столь опасно для наций Запада и Востока, как подготовка к предполагаемой конфронтации между христианством и исламом» (Herzog, 1999; тж. см. Holmes, 1997 и Walt, 1997). И наоборот – если основополагающий тезис верен, книга Хантингтона представляет собой предостережение, которым политики могли бы воспользоваться, чтобы ослабить развивающиеся конфликты. Как бы то ни было, прежде чем прилагать этот тезис к войне против терроризма и прочим конфликтам, следует просто задаться вопросом: верен ли он? Где свидетельство тому, что происходит столкновение цивилизаций?

Мы постарались проверить идеи Хантингтона с помощью наиболее современных научных методов. И пришли к выводу, что в прошлом никакого общего «столкновения цивилизаций» не было и что применение этого определения в интерпретации нынешних событий может привести к опасному заблуждению. Различия цивилизаций мало что добавляют к

имеющимся интерпретациям интенсивного межгосударственного конфликта, предлагаемым приверженцами «реалистической» и «либеральной» теорий. Следовательно, данная теория не дает надежного руководства для объяснения прошлого, настоящего или будущего.

Цивилизации и идентитет

Тезис Хантингтона о том, что различия культур порождают конфликты, своими корнями уходит в социальную психологию (С. 67). В основе его лежит принцип отграничения замкнутой группы от тех, кто находится вне ее, причем внутригрупповая связь достигается за счет поддержания состояния конфликта с теми, кто чем-либо отличается от ее членов. Хантингтон утверждает, что «идентитет на любом уровне – личном, племенном, расовом, цивилизационном – может быть определен лишь в связке с «иным» – в чем-либо отличающимся человеком, племенем, расой или цивилизацией (С. 129). Социологическую версию данной точки зрения обычно связывают с Симмелем (Simmel, 1898), интерпретацию и дальнейшее развитие ее – с Козером (Coser, 1956). Работа эта в основном посвящена рассмотрению тех условий, при которых внутригрупповой союз может быть усилен или разрушен конфронтацией с другими. Одна из версий утверждает, что люди по природе своей запрограммированы на социальный конфликт, основанный на различиях между теми, кто внутри и кто вне определенной группы. Шоу и Ванг (Shaw, Wang, 1988: 207), например, заявляют, что «предрасположенность человечества к войнам – результат тысячелетий эволюции, в ходе которых восприятие и нетерпимость в отношении не-членов группы формировались приоритетами генно-культурной совместной эволюции».

Социальных психологов интересует то, каким образом люди формируют свой социальный идентитет; адепты конструктивистской школы применили их теории для объяснения международных отношений. Конструктивисты-теоретики предсказывают расширение групповых идентитетов с включением в них различных «иных», с которыми можно было бы идентифицировать себя и жить в мире (Mercer, 1995). Но теория социального идентитета постулирует, что этот более широкий идентитет может быть достигнут лишь путем противопоставления себя некоему заново определен-

ному «иному». Значит, согласно такому взгляду, представление о плюралистическом сообществе «взаимных симпатий и лояльности; ощущения “мы”, доверия и взаимного учета интересов, частичной идентификации в смысле самовосприятия и определения интересов; взаимно успешных прогнозов поведения» (Deutsch et al., 1957: 36; тж. Adler, Barnett, 1998) имплицитно оставляет всех остальных «вовне».

Чувство общности идентитета у демократов, основанное на политической культуре мирного разрешения конфликтов, может породить ощущение «инакости» и угрозу в отношении тех (недемократов), кто явным образом не принадлежит к этой культуре (Risse-Karpen, 1995). Точно так же и не-демократии могут видеть угрозу в демократиях. Как пишет Дойль (Doyle, 1986: 116), «единомышленники-либералы выигрывают от презумпции дружелюбия, нелибералы во многом проигрывают от презумпции вражды» (С. 116). Предполагаемое столкновение цивилизаций поэтому следует рассматривать в более глобальных рамках и того значения, какое имеет идентитет для теорий демократического мира и для международных отношений вообще.

Дилемма, представленная политикой идентитета, значима для культурологических и нормативных теорий, рассматривающих сепаратный мир между демократиями. В той степени, в какой верна интерпретация демократического мира с позиций культуры, демократии могут рассматривать другие государства как лежащие за пределами их собственных культурных и нормативных границ, а следовательно, потенциальных – если не реальных – врагов. Если демократии полагают, что руководствуются этикой ненасильственного разрешения конфликтов, они могут бояться того, что автократии воспользуются их врожденным миролюбием (Russett, 1993). Тем самым могут быть усилены деструктивные свойства гоббсовской системы самопомощи, проявляемые по отношению к этим «иным».

Опасения, связанные с тем, что демократии могут излишне «демонизировать» недемократические государства, тем не менее, теряют остроту ввиду как фактов, так и теории о влиянии демократических институтов на внешнюю политику. Этому эмпирическому результату соответствуют интерпретации демократического мира с точки зрения институциональной (или структурной), не зависящие от ссылок на общий идентитет. Они основываются на последствиях рациональ-

ного, основанного на собственном интересе поведения политических лидеров, стремящихся сохранить власть, и на том, как отражается на настроениях электората в демократических государствах ведение дорогостоящей войны, особенно если страна терпит в ней поражение (Buena de Mesquita, Morrow, Siverson, Smith, 1999, Reiter, Stam 2002). Согласно новейшим исследованиям (Russett, Oneal, 2001), на всем протяжении двадцатого века демократии были не только намного миролюбивее в отношениях между собой, чем государства иного типа, но и не более склонны к разногласиям с автократиями, чем автократии по отношению друг к другу.

Такое же разграничение в отношении важности идентитета применимо и к альтернативным интерпретациям влияния экономической независимости на межгосударственные отношения. Так, Дойч рассматривает экономические сделки как средство передачи взглядов и интересов путями, которые в целом усиливают чувство взаимной идентификации. Приверженцы теории рационального выбора, наоборот, основной акцент делают на собственном экономическом интересе участников этих сделок, состоящем в поддержании и усилении торгового обмена. И данное различие возникает еще раз в теориях об умиротворяющем влиянии международных организаций. Конструктивисты подчеркивают их роль в расширении представлений государств о собственных интересах, социализации и формировании норм и выработке традиций взаимной идентификации. Аналитики рационального выбора сосредоточивают внимание на способности некоторых межправительственных организаций (МПО) принуждать к подчинению нарушителей норм, выступать посредниками между участниками конфликтов и снижать степень неуверенности путем передачи информации (см. Russett, Oneal, 2001, chs. 4, 5). Таким образом, книга Хантингтона, оказывается, имеет значение для полемики о достоинствах и импликациях конструктивистского анализа международной политики.

Хантингтон предлагает новый взгляд на то, как культура соотносится с материальными и идеологическими формами самовыражения цивилизаций. Возможно, цивилизации не напрямую влияют на вероятность межгосударственного насилия, а скорее формируют парадигмы систем безопасности, политических институтов и экономической практики, во многом ответственных за международное поведение, и определяют, кто с кем воюет. Зависят ли от границ цивилизаций

наиболее общие характеристики международного поведения принадлежащих к ним государств? Если так, то влияние культуры на вероятность военного конфликта может быть косвенным – через эти важные промежуточные влияния.

Несомненно, что в работе Хантингтона подобная возможность вполне допускается. Главный источник тревоги для него – цивилизационный разрыв между Западом и другими цивилизациями – как он говорит, «Западом и всем остальным», который можно объяснить, главным образом, тем, что Запад безусловно воспринял принципы демократии и прав человека, а в остальных частях света принципы эти куда менее незыблемы. Особым источником опасности для Запада, по его мнению, являются исламские государства. Он считает, что фундаментальные различия между этими двумя культурами в том, что касается источников легитимности правительства, – воли народа в одном случае и священного писания или теократической власти в другом – по большей части непреодолимы. Если, однако же, исламские общества способны стать демократичнее, тогда разногласия между Западом и исламом могут смягчиться. То же самое в целом может быть отнесено и ко второму главному противнику Запада внутри хантингтоновского «хрустального шара» – Китаю и китайской цивилизации (С. 238).

Подобное интерпретирование цивилизаций весьма проблематично. Как признает сам Хантингтон, политические культуры и Германии, и Японии после 1945 г. радикально отличались от их же довоенного фашизма, в обоих случаях став демократическими и глубоко антимилитаристскими. И при всем том как Германия, так и Япония не утратили своих корней, уходящих в глубину их столь не похожих друг на друга цивилизаций (Berger, 1996). Государства, как и их отдельные граждане, могут познать и на собственном опыте, и на примере чужой истории, что международный конфликт всегда убыточен. Поэтому важно определить, являются ли цивилизации основным источником межгосударственного конфликта – или же конфликт вызван, главным образом, политическими и экономическими институтами, нормами и практикой, т. е. тем, что возможно изменить. Кроме того, важно определить, можно ли объяснять различия в перечисленных феноменах несходством цивилизаций.

Исследование влияния различий между цивилизациями

Для оценки тезиса Хантингтона крайне важно – хотя и непросто – идентифицировать главные мировые цивилизации и их границы. Хотя он порой и взаимозаменяет такие термины, как «культура» и «цивилизация», при этом указывает на разницу между ними. Культуры и цивилизации действительно имеют некие общие элементы – религию, язык, обычаи, историю и институты, но «цивилизация» – это ключ к пониманию межгосударственного конфликта, ибо она представляет собой «высшую культурную группировку людей и наиболее широкий уровень культурного идентитета, присущего людям» (С. 43). Несмотря на свои утверждения, что цивилизации динамичны и не имеют постоянных границ, он полагает, что в краткосрочной перспективе большинство государств или группировок государств можно отнести к одной из восьми цивилизаций: западной, китайской, исламской, индуистской, славяно-православной, латиноамериканской, буддистской или африканской. Состав указанных групп с течением времени может меняться, хотя и медленно.

Точка зрения Хантингтона, состоящая в том, что мир подразделяется на идентифицируемые цивилизации, отнюдь не бесспорна. Предлагаемый им перечень цивилизаций несколько условен, и в той степени, в какой он признает существование внутрицивилизационных различий, образ цивилизации как источника международного порядка начинает терять четкие очертания. Как мы будем говорить ниже, критерии отнесения государств к той или иной цивилизации не всегда ясны. Хантингтон также отводит важнейшее место факту принадлежности к той или иной цивилизации в широком понимании – в ущерб более специфическим культурным или этническим идентитетам, включая и те, что действуют на уровне нации-государства. Он утверждает, по сути, что цивилизационные идентитеты лучше, чем национализм, объясняют истоки конфликтов. Это особенно сомнительно в случае исламской цивилизации, когда интересы, привязанные к конкретным государствам, то и дело брали верх над исламскими или общеарабскими чувствами. Его рассуждения о гибкости и изменчивости внутри цивилизации вдоль осей вестернизации и модернизации (С. 72 ff.) трактуют проблему слишком упрощенно.

Эти концептуальные критические замечания предполагают существование специфических методов эмпирического анализа, которые позволили бы оценить верность аргументации автора. Но, несмотря на то внимание, которое было уделено теории Хантингтона, случаи систематического статистического анализа его гипотез редки. В работе Хендерсона (Henderson, 1997, 1998) – наиболее весомой среди тех, что посвящены проблеме международных отношений, – в трактовке истоков конфликтов культурным различиям отводится весьма скромная роль. Хендерсон не рассматривает цивилизации как таковые, однако тщательно оценивает способность общих религиозных, этнических и лингвистических характеристик снижать частоту межгосударственных войн в период 1950-1989 гг. Он находит, что религиозная однородность действительно способствует сохранению мирных отношений. И наоборот, религиозные различия повышают частоту войн. Но он также сообщает, что этническое и языковое родство увеличивает вероятность войны между государствами – нечто прямо противоположное прогнозам, делаемым с точки зрения культурной и цивилизационной перспективы. В самом деле, пагубный эффект этнического и лингвистического родства служит противвесом умиротворяющему эффекту фактора общей религии.

Хендерсон сообщает также, что близость географического расположения сильнее влияет на вероятность конфликта, чем какие бы то ни было из рассмотренных им культурологических параметров. Действительно, склонность стран, как и отдельных людей, драться со своими соседями, вероятно, наиболее яркий и последовательный вывод всех исследований в сфере международных отношений. Это вряд ли может удивить: соседствующие страны потенциально имеют много поводов для войн (например, ирредентизм, споры о границах, доступ к природным ресурсам), а также возможность нанести военный удар (даже маленькое и бедное государство может напасть на своего ближайшего соседа). По этим причинам особенно важно рассмотреть роль географической близости при оценке тезиса Хантингтона. Многие конфликты, которые он определяет как возникшие в местах «разломов» цивилизаций, происходили между соседними государствами, где конфликт вполне ожидаем независимо от того, присутствуют или нет различия в цивилизациях или культурах.

Мы уделяем здесь основное внимание межгосударственному конфликту, но Герр (Gurr, 1993, 1994) и Фокс (Fox, 2002) провели систематический анализ с целью оценить правомерность использования точки зрения Хантингтона для объяснения насилия внутри государств. Типичен ли конфликт между людьми разных цивилизаций – или, может быть, он становится таковым сегодня? Ответ был отрицательный. Из 50 наиболее серьезных этнополитических конфликтов, случившихся в 1993-1994 гг., лишь 18 отмечались в местах хантингтоновских «цивилизационных разломов»³. Так, на Среднем Востоке только один активный внутренний конфликт (с палестинцами на оккупированных территориях) произошел между народами двух различных цивилизаций, тогда как в пяти конфликтах (два в Ираке и по одному в Иране, Марокко и Турции) участвовали представители лишь одной цивилизации. Доля внутренних конфликтов, участники которых принадлежали к различным цивилизациям, практически не изменялась в периоды до и после «холодной войны». Более того, если внутренние конфликты, проистекавшие, помимо других причин, и из различий между цивилизациями, были, как правило, тяжелее тех, где подобные различия не были задействованы, этого нельзя сказать о конфликтах, начавшихся в 1988 г. или позднее: их интенсивность, как правило, ослабевала. То, что многим кажется недавним учащением гражданских войн на этнической почве, на самом деле началось в 1960-е гг., а в начале 1990-х гг., миновав точку максимума, резко снизилось. Конфликты на почве культурных разногласий также стали менее интенсивными, причем большинство из них были скорее «братоубийственными», чем межцивилизационными. Острые внутригосударственные конфликты на базе национализма не стали интенсивнее и не сопровождалась большими потерями в 1989-1996 гг.; причем, хотя за этот период было начато 17 новых конфликтов, 21 конфликт был разрешен. В большинстве случаев этнические, лингвистические и религиозные различия не являются

---

³ Хантингтон (С. 256-57) цитирует Герра, указавшего на распространенность и интенсивность конфликтов между мусульманами и немусульманами, но ошибочно указывает, что в таблице, помещенной Герром в приложение к своей работе, содержатся данные о 30 межцивилизационных конфликтах (С:С и С:И), тогда как в действительности их там 18 (или 19 – согласно интерпретации Хантингтона). Прочие выводы, сделанные Герром, Хантингтон не комментирует.

дестабилизирующими факторами. Лишь небольшой процент потенциально возможных этнических конфликтов достигает стадии насилия – даже в Африке или бывшем СССР. Одним словом, анализ, проведенный Герром и другими авторами, порождает серьезные сомнения в правомерности объяснения конфликтов внутри государств цивилизационными факторами.⁴

Для того чтобы определить, имеет ли место столкновение цивилизаций, мы применяем целый ряд методов. Вначале проводится оценка тезиса Хантингтона в чистом виде, как такового. Мы задаем простой вопрос: повышает ли принадлежность к разным цивилизациям вероятность того, что два государства окажутся втянутыми в межгосударственный спор с применением военной силы? Далее мы добавляем в модель ключевые влияния, традиционно описываемые «реалистической» теорией, проверяя, как воздействуют различия между культурами на баланс сил и союзы между государствами. Этот метод показывает, улучшает ли гипотеза Хантингтона прогноз частоты военных конфликтов по сравнению с «реалистической» теорией. На третьем этапе мы добавляем переменные, используемые в либеральной теории: общую принадлежность к демократии, экономическую взаимозависимость и совместное членство в международных организациях. Предыдущие исследования показали, что эти влияния имеют достаточно высокий потенциал, подобно «реалистическим» переменным, для объяснения закономерностей развития международных конфликтов. Таким образом, мы предлагаем значимые альтернативы хантингтонову объяснению межгосударственных отношений. Способны ли различия между цивилизациями

---

⁴ Другие исследования, обобщенные в данном разделе, принадлежат Sadowski (1998), Ayers (2000), Wallensteen, Sollenberg (1999), Lian, Oneal (1997) и Fearon, Laitin (1996).

объяснить истоки тех конфликтов, которые не могут быть истолкованы либеральной и «реалистической» теориями?⁵

Мы проверяем правильность тезиса Хантингтона и другими методами. Мы оцениваем взаимное миролюбие пар государств внутри каждой из восьми цивилизаций и пар государств, находящихся по разные стороны границ между цивилизациями, проверяя влияние «реалистических» и либеральных переменных. Если Хантингтон прав, диады представителей одной цивилизации окажутся миролюбивее тех, что разделены границами между цивилизациями. Затем мы проверяем гипотезу «Запад против всех остальных». Мы выделяем диады, включающие по одному западному государству и по одному государству из любой другой цивилизации, а затем оцениваем вероятность конфликта для этих диад в сравнении со всеми остальными. Точно так же мы оцениваем и наличие особой вражды между Западом и исламом или между Западом и китайской цивилизацией.

Мы проверяем эти гипотезы на данных за период 1950-1992 гг. Это вполне отвечает нашим задачам, поскольку Хантингтон, впервые представив свою аргументацию в 1993 г., имел в виду события, происходившие именно в эти годы.⁶ Он полагает, что влияния различий между цивилизациями ограничиваются эпохой после окончания «холодной войны»,

---

⁵ Хантингтон также сопоставляет данную парадигму с возможными альтернативами: см. в особенности С. 31-35. Альтернативы «в большей или меньшей степени 184 государства» и «абсолютный хаос» в основе своей имеют реалистическую государствоцентричную систему, покоящуюся на силе и союзах. «Открытый мир: эйфория и гармония» и «Два мира: мы и они» представляют собой варианты либеральной аргументации о роли демократии и разницы в уровнях экономического развития. В центре критики Хантингтоном идеи демократического мирного сосуществования – весьма распространенное на планете отсутствие демократии, но автор признает, что общность демократических институтов там, где она существует, уменьшает интенсивность конфликтов. На С. 67 Хантингтон выражает свое несогласие с постулатом, согласно которому торговля смягчает разногласия между государствами.

⁶ В данной статье, а также в работе Russett, Oneal (2001) мы проверили, подтверждается ли тезис Хантингтона, будучи опробован на достаточно продолжительной временной шкале, охватывающей 1885-1992 гг. Выяснилось, что не подтверждается. Рассет, Онил и Кокс (Russett, Oneal, Cox, 2000) провели анализ по всем диадам, и его результаты подтверждают точку зрения Хантингтона в еще меньшей степени, чем выводы, полученные в данной статье. Хантингтон и Такер (Henderson, Tucker, 2001) пришли к аналогичным выводам, проведя исследования по обоим направлениям.

однако утверждает при этом, что за последнее время они приобрели особую важность. Конечно, если «теория столкновения» – просто пророчество о том, что может случиться в будущем, это делает ее неуязвимой для каких бы то ни было эмпирических методов, применяемых в настоящее время. Но все равно сейчас мы можем определить, были ли какие-нибудь признаки нарастания разногласий между различными цивилизациями по мере того, как «холодная война» сходилась на нет, а в ряде стран обретали власть радикальные исламские силы.

Наконец, мы рассматриваем возможность того, что различия цивилизаций, даже если они оказывают лишь незначимое косвенное влияние на развитие конфликта, могут иметь мощный косвенный эффект опосредованно, через действие важных «реалистических» и либеральных переменных. Если цивилизационные идентитеты с высокой долей вероятности позволяют прогнозировать, какие государства заключают между собой союзы, имеют сходные системы управления, высокие уровни торгового обмена и состоят в одних и тех же межправительственных организациях, то можно утверждать, что цивилизации – главные двигатели указанных политических и экономических факторов и могут служить объяснением влияния последних на международные конфликты. Но если цивилизационные идентитеты не дают возможности с высокой степенью вероятности прогнозировать союзы, торговлю, членство в межправительственных организациях или типы политических систем, то данная аргументация теряет смысл.

Наш метод анализа

Проверяя эти предположения, мы рассматриваем все пары «политически релевантных» пар государств (или диад) в той международной системе, по которой имеются ежегодные данные за период с 1950 по 1992 годы. Исследование именно диад вполне целесообразно при рассмотрении теории, подобной теории Хантингтона, которая утверждает, что вероятность межгосударственного конфликта варьируется в зависимости от военных, политических и культурных характеристик отдельных государств. «Политически релевантными» мы называем такие пары государств, у которых есть общие границы или если одно из них является великой державой.

Как отмечалось выше, при проверке любой теории межгосударственного конфликта важно учитывать фактор близости

географического расположения. Это самая фундаментальная среди «реалистических» переменных, ибо потенциал для проявления насилия в межгосударственных отношениях имеется лишь в случаях, когда хотя бы один из членов диады имеет возможность поразить другого военной силой. Мы задаем вопрос, граничат ли данные два государства прямо или косвенно (в том числе через колонии или иные так или иначе зависящие от них территории), либо имея общую сухопутную границу, либо будучи разделенными водным пространством протяженностью менее 150 миль; данная переменная равна нулю, если члены диады не имеют общей границы.

Великими державами исследуемого периода были Китай, Франция, СССР/Россия, Великобритания и США. Великие державы отличаются широтой интересов и возможностью применения силы даже вдалеке от своих границ. Для других пар государств, где члены не граничат между собой и не относятся к числу великих держав, стимулов и возможностей для развязывания конфликта с применением насилия намного меньше. Для политически релевантных диад риск быть вовлеченными в спор с применением военной силы в 24 раза выше, чем для тех диад, которые не являются политически релевантными в том смысле, как мы определяем данный термин. Поэтому следует сосредоточить внимание именно на них. В результате мы получаем более 28 тыс. случаев (диадо-лет), на основе которых можно делать обобщения.

Кроме того, в качестве контрольного мы используем фактор расстояния в виде натурального логарифма расстояния между столицами двух государств по дуге большого круга. Это позволяет учитывать затраты и трудности в применении военной силы на расстоянии даже для великих держав, для которых, впрочем, рост затрат по мере увеличения расстояния происходит медленнее. Этот показатель важен также в качестве контрольного для международных торговых связей – фактора, который мы вводим далее. Торговля также становится дороже с увеличением дальности перевозок. Близлежащие страны склонны иметь одновременно и больше споров, и больший объем торговли, но не обязательно из-за того, что торговля создает почву для споров.

Для проверки тезиса Хантингтона мы создали переменный индекс, который назвали SPLIT; он показывает, является диада разнородной по составу или нет. Он равен 1, если государства принадлежат к разным цивилизациям, и 0, если к одной и той

же. Вводя такое различие, мы имели в виду восемь уже упомянутых цивилизаций: западную, китайскую, исламскую, индуистскую, славяно-православную, латиноамериканскую, буддистскую и африканскую. Поэтому для проверки теории Хантингтона требуется отнести каждое государство к той цивилизации, к которой оно принадлежит. Для этого мы в основном пользовались картой, помещенной на С. 26-27 «Столкновения цивилизаций». Впрочем, не всегда легко бывает определить, к какой цивилизации относится та или иная страна, а критерии, лежащие в основе классификации, не вполне ясны. По-видимому, в большинстве случаев у Хантингтона главным критерием является религия, но для некоторых цивилизаций, а именно: Африки и Латинской Америки, – крайне важно географическое положение. Три «одиночных государства» не идентифицируются как принадлежащие к какой-либо из цивилизаций. Многие страны плохо вписываются в одну группу и считаются «расщепленными» или «разорванными».⁷

В качестве меры конфликта мы используем данные из «коррелятов войны» (COW) по межгосударственным военным

---

⁷ Мы исходили, прежде всего, из карты, опубликованной в книге Хантингтона, но когда оказывались перед трудным выбором, то обращались к самому тексту. Сложности с систематизацией возникли лишь в нескольких случаях, толкование которых вызывало противоречия; в целом это мало в чем отразилось на полученных нами результатах. Систематизация, проведенная Хендерсоном и Такером (Henderson, Tucker, 2001), несколько отличалась от предложенной нами, но выводы, сделанные этими исследователями, не противоречат нашим умозаключениям. В первоначальной статье Хантингтона (1993а) не упоминается о буддийской цивилизации, в своей же книге (см., например, С. 48) он заявляет, что «буддизм не является основой какой-либо из главных цивилизаций», хотя на его карте буддизм представлен как одна из восьми цивилизаций. Три «особняком стоящие» государства – это Япония, Эфиопия («находится в культурной изоляции», С. 136) и Гаити («страна, у которой действительно нет никаких родственников», С. 137). На карте Хантингтона Япония выделена как особая общность; Эфиопия и Гаити в качестве таковых не значатся, но мы считаем, что текст книги более адекватно отражает мнение автора, чем его карта. Согласно карте, все карибские государства, бывшие в прошлом владениями Великобритании, считаются латиноамериканскими, но это противоречит тексту книги (С. 131): «Имеющее в своей основе единую цивилизацию Карибское сообщество (Кариком) ... создало целый ряд структур, обеспечивающих взаимное сотрудничество, причем наиболее интенсивная кооперация наблюдается между некоторыми подгруппами. Попытки создать более широкие карибские организации, которые навели бы мосты через линию англо-латинского разлома в Карибском бассейне, напротив, всегда оказывались неудачными». Этот пассаж – единственное упоминание Хантингтоном каких бы то ни было

спорам, указывая по каждому году, что одно или оба государства диады грозили применить силу, прибегали к демонстрации силы или реально использовали военную силу против второго члена. В этих случаях переменная DISPUTE равна 1, в остальных – нулю. К сожалению, для последующих лет пока нет систематизированных данных по межгосударственным спорам.

Хантингтона интересует не только частота конфликтов, но и «наиболее “первазивные”, важные и опасные конфликты», а также те, что сопряжены с возможностью вовлечения и других участников: «Насилие между государствами и группами, принадлежащими в разным цивилизациям... несет в себе потенциал эскалации, по мере того как другие государства и группы из этих цивилизаций объединяются для поддержки «родственных стран» (С. 28). Войны в местах «разломов» (С. 253) называются «затяжными конфликтами». Неясно, как Хантингтон оценивал бы «первазивность», важность и опасность. Однако, когда за единицу измерения при анализе берется диада, наши методы обеспечивают должный «вес»

многогосударственных цивилизаций, не обозначенных в качестве таковых на его карте. Принимая во внимание парламентские политические системы, существующие в этих островных государствах, а также присущий им в основном протестантский христианский идентитет, мы склонны рассматривать их как часть Западной цивилизации.

Четыре страны являются «домом разделенным» двух или более цивилизаций, где руководители преобладающей культуры хотели бы осуществить сдвиг в сторону другой культуры (С. 139-154): Россия (от православия к западной культуре), Мексика (от латинской культуры к западной), Турция (от исламской культуры к западной) и Австралия (от западной культуры к азиатской). Но на карте все они безусловно ассоциируются лишь с первой из двух цивилизаций по каждой из вышеупомянутых пар, и в нашей классификации мы их соответственно и обозначили. Карта не дает возможности точно определить, к какой цивилизации принадлежат несколько африканских государств; нет указаний на это и в тексте книги. Чтобы рассеять наши сомнения, мы обратились к данным ЦРУ о религиозном составе их населения (CIA, 1994); в результате государства, население которых более чем на 50% состояло из мусульман, оказались отнесенными к исламской группе, а остальные государства – к христианской. Так, Нигерия была отнесена нами к африканской цивилизации, хотя в тексте книги ее и характеризуют как «расколотую страну», а на карте она показана «разделенной». Индия – еще одна расколотая, разделенная страна, но ее бесспорно следует ассоциировать с индуистской цивилизацией. Статус Шри-Ланки, исходя из карты, неясен, неясность эта иногда сохраняется и в тексте; но на С. 48 Хантингтон определяет данную страну как буддийскую, что совпадает с оценкой, данной ей ЦРУ, которое считает Шри-Ланку на 69% буддийской страной. На основании того, что наиболее многочисленной религиозной группой в бывшей Югославии

широким, пространственно развернутым конфликтам. Спор, ограниченный одной парой государств в одном году, в наших данных учитывается однократно. Конфликты же с участием двух государств с каждой стороны в одном году дают положительные коды четырем диадо-годам. А учет каждого года длительного по времени спора или серии споров дает больший вес затяжным конфликтам – как того требует принцип Хантингтона. Споры, продолжающиеся несколько лет, часто сопряжены с большими потерями.⁸

Мы определяем влияние различий между цивилизациями и «реалистических» и «либеральных» переменных на вероятность конфликта методом логистического регрессионного анализа. Это дает нам возможность независимо оценивать влияние каждого фактора, принимая все остальные как константы. По сути, мы оцениваем относительный вклад различных факторов в риск развития конфликта тем же способом, что применяется в медицинских исследованиях, когда берутся обширные базы данных, включающие опыт наблюдения многих больных и оценивается по отдельности влияние наследственности, окружающей среды и образа жизни на риск развития того или иного заболевания. Точно так же, как в последнем случае обеспечивается возможность оценки каждого из факторов риска развития заболевания, мы выясняем, насколько каждое из влияний реально повышает риск возникновения спора с применением военной силы.

Важно, чтобы факторы, используемые для объяснения истоков спора, сами по себе не оказались контаминированы данным конфликтом. Поэтому мы вводим для всех независимых переменных лаговые величины с разницей в один год, объясняя спор, возникший в том или ином году, условиями, сложившимися в предыдущем году. Мы вводим соответствующие статистические корректировки для анализа временных рядов в поперечном сечении (Russett, Oneal, 2001).

являлись православные, мы отнесли ее к православной цивилизации. Филиппины, согласно и тексту, и карте, тоже расколота страна, но, так как 92% ее населения – христиане, то мы отнесли это государство к Западу. Южная Африка представляет собой трудный случай – то, что говорится в тексте Хантингтоном, несколько туманно; мы решили последовать указанию карты и рассматривать эту страну как африканскую.

⁸ Рассетт, Онил и Кох (Russett, Oneal, Cox, 2000) пришли к выводу, что, если зависимая переменная ограничивается серьезными разногласиями с человеческими жертвами, междивизицизионные разногласия становятся еще менее вероятными.

Основные методы оценки цивилизационных, «реалистических» и «либеральных» влияний

Наш первый анализ очень прост. Мы рассматриваем вероятность возникновения спора как следствие только различий между цивилизациями, отражаемых индексом SPLIT, а также важнейшие «реалистические» влияния: наличие общих границ, отдаленность друг от друга, а также присутствие в составе диады великой державы. В данном методе, как обычно, показатели близости географического расположения являются важными детерминантами вероятности конфликта. Значение индекса SPLIT также важно. Если диада включает представителей разных цивилизаций, риск возникновения спора на 84% выше, чем в паре государств, не разделенных границей между цивилизациями. Все эти влияния имели статистическую достоверность 0,001. (Все критерии достоверности были односторонними, т. к. в каждой гипотезе есть четкое указание на то, какой знак ожидается – плюс или минус.)

Следующий шаг, тем не менее, предусматривает сравнение простой гипотезы столкновения цивилизаций с более сложным объяснением, учитывающим и другие «реалистические» влияния. Один из факторов, сдерживающих применение военной силы, как подчеркивают приверженцы «реалистической» теории, – это относительная военная мощь. Тезис о том, что равновесие военных потенциалов предохраняет от конфликта, имеет глубокие корни, как и другой, утверждающий, что перевес сил одной из сторон, уменьшая сомнения в том, какая из них победит в военном состязании, с большей степенью вероятности способствует сохранению мира. Последние работы указывают на то, что именно перевес сил одной из сторон предотвращает военные действия (Kugler, Lemke, 1996). Для оценки влияния военных потенциалов на вероятность конфликта мы используем натуральный логарифм отношения индекса военного потенциала более сильного государства к такому же индексу более слабого члена каждой диады. Этот показатель (CAPRATIO) выводится на основе данных о народонаселении, промышленности и готовности к военным действиям (Singer, Small, 1995).

Другая важная «реалистическая» переменная отражает ожидания, что союзники будут воевать меньше между собой, чем с другими государствами, потому что, объединившись в союз, они продемонстрировали совместную озабоченность

своей безопасностью. Союзники часто имеют и другие общие политические или экономические интересы. Мы учитываем данный фактор с помощью переменной ALLY, которая равна 1, если члены диады были участниками взаимного договора об обороне, пакта о нейтралитете или военного союза; в противном случае она равна нулю.

Мы начинаем с «типичной» политически релевантной диады: члены ее граничат между собой, не объединены союзом и имеют средние значения всех прочих переменных. Для такой диады годовая вероятность того, что внутри нее возникнет военный конфликт, составляет около 0,06 – т. е. шесть случаев из ста. Затем мы по одному изменяем каждое из указанных влияний, делая членов диады участниками общего союза или добавляя сопоставимый показатель перемены (одно стандартное отклонение) к каждому из непрерывных показателей. Это позволяет нам вычислить, как меняется риск возникновения конфликта в результате каждого нового изменения характеристик диады. Более подробную техническую информацию см. в Приложении к Russett, Oneal (2001). Мы не сообщаем о влиянии контрольных переменных, т. к. изменения политики на них не влияют.

Таблица I

Элементарные тесты на выяснение изменений вероятности возникновения разногласий с использованием военной силы в соответствии с гипотезами из «Столкновения цивилизаций», а также из «реалистической» и кантовской теорий

	SPLIT + «реалистиче- ские» переменные	SPLIT + кантовские переменные	SPLIT + «реалисти- ческие» и кантовские переменные
Все переменные даны в базисных величинах, кроме:	1	2	3
SPLIT = 1	+56%	+34%	+12%
ALLIES = 1	-49%		-50%

POWER RATIO увеличивается на 1 станд. отклонение	-28%		-38%
DEMOCL увеличивается на 1 станд. отклонение		-27%	-26%
DEMOCL уменьшается на 1 станд. отклонение		+35%	+34%
DEPENDL увеличивается на 1 станд. отклонение		-22%	-36%
IGOs увеличивается на 1 станд. отклонение		-30%	-34%

Результаты нашего первого уравнения помещены в первом столбце таблицы I. Обе «реалистические» переменные обладают высокой статистической достоверностью (0,001) и важны независимо друг от друга. Объединение государств в союз снижает вероятность спора с применением военной силы на 49%; увеличение равновесия сил на одно стандартное отклонение снижает ее на 28%. Союзники менее склонны воевать между собой, а перевес сил одной из сторон исключает возможность конфликта. В данной спецификации все же есть указания на то, что государства, принадлежащие к разным цивилизациям, склонны конфликтовать. Значение SPLIT не столь статистически достоверно (на уровне 0,03), но, тем не менее, связано с 49%-ным повышением вероятности конфликта. С точки зрения «столкновения цивилизаций» хорошо и это.

Далее мы добавляем к самой простой спецификации три переменные, чтобы оценить вероятность столкновения цивилизаций с точки зрения либеральной перспективы.⁹ Эти три переменные, как правило, ассоциируются с эссе Иммануила Канта 1795-1797 года о вечном мире: «республиканские

⁹ В другой нашей работе (Russett, Oneal, 2001) приводятся дополнительные подробности, связанные с методологией измерений и теорией.

конституции» (представительная демократия), «космополитический закон» взаимозависимой торговли и международное право и организации.

В случае «демократии» мы пользуемся данными Polity III (Jagers, Gurr, 1995), распределенными по шкале, где -10 соответствует крайней степени автократии, а +10 – показатель наиболее демократичных государств. Поскольку основанием для спора могут послужить действия одного государства, вероятность конфликта зависит в первую очередь от степени ограничений, испытываемых наименее стесненным в своих действиях государством каждой диады. Поэтому мы ожидаем, что опасность межгосударственного насилия в наибольшей степени исходит от менее демократичного государства (DEML) диады: чем демократичнее государство, тем больше оно будет ограничено в своей возможности ввязаться в конфликт.

Для исследования экономической взаимозависимости мы пользуемся данными МВФ о двусторонней торговле. Поскольку мы ожидаем, что торговля будет влиять на межгосударственные отношения лишь в тех случаях, когда она важна для экономики, мы делим сумму экспорта и импорта страны в ее торговых отношениях с партнером по диаде на величину ее же ВВП. Как и в случае влияния демократических институтов, мы ожидаем, что на вероятность возникновения спора в первую очередь влияет свобода действий, которой обладает государство, в наименьшей степени ограниченное в возможности применения силы. Это государство с наиболее низким соотношением объема двусторонней торговли и ВВП, поскольку оно в наименьшей степени экономически зависит от второго члена диады.

В качестве третьего кантовского параметра мы используем показатель совместного членства в МПО – количество многосторонних МПО, в которых состоят оба члена диады. Индекс варьируется в интервале от 0 (например, некоторые члены НАТО в паре с континентальным Китаем до 1971 г.) до 130, причем наиболее плотная сеть межправительственных организаций отмечается в Западной Европе. Ввиду отсутствия убедительной теоретической базы для оценки различных видов МПО (глобальных, региональных или функциональных; ориентированных на безопасность, экономику, защиту окружающей среды и т. д.), мы посчитали их все как равноценные. Более сложный индекс дал бы более показательные

результаты, но и в данном упрощенном варианте видно снижение числа споров с применением военной силы.

Во втором столбце помещены результаты нашей оценки в тех случаях, когда использовались лишь кантовские и основные контрольные переменные. Мы не включали сюда факторы участия в союзах или баланса сил. При этом индекс SPLIT все же обеспечивает 34%-ное повышение риска возникновения конфликта, однако данный эффект не вполне статистически достоверен (на уровне 0,11). Это позволяет предположить, что различия между цивилизациями в одних случаях крайне важны, в других – нет: средний эффект (повышение конфликтности на 34%) нельзя назвать слабым, однако он вариабелен (отсюда отсутствие статистической достоверности). Наоборот, демократия обладает высокой степенью достоверности (на уровне 0,001). Если мы повышаем нижнее значение демократии так, что оба государства становятся демократическими, риск возникновения разногласий уменьшается на 24%; если мы снижаем нижнее значение демократии, в результате чего хотя бы одно государство становится авторитарным, опасность возникновения разногласий становится на 35% выше базовой величины. Если количество МПО, в которых состоят оба государства, велико, риск возникновения разногласий снижается на 30% (также достоверен на уровне 0,001). Эффект торговли несколько ниже (22%-ное снижение риска конфликта), но все же статистически достовернее (на уровне 0,05). Таким образом, в присутствии кантовских переменных роль различий между цивилизациями в объяснении частоты случаев разногласий с применением военной силы уменьшается.

Наконец, в третьем столбце показано независимое влияние различий между цивилизациями на вероятность конфликта внутри диады в присутствии всех «реалистических» и кантовских переменных. Все показатели, включенные в таблицу, за исключением индекса SPLIT, обладают высокой достоверностью (на уровне 0,001 для всех индикаторов, кроме показателя экономической взаимозависимости, для которого уровень достоверности составляет 0,03). Как обычно, наличие союза и относительная военная мощь вызывают заметные изменения (снижение соответственно на 50% и 38%) показателя годовой вероятности того, что внутри средней по всем остальным показателям диаде возникнут разногласия. То же самое можно сказать и о демократиях (26%-ное снижение риска

возникновения конфликта в случае, когда оба государства – демократии, или 34%-ное повышение, если одно из них – автократия), экономической взаимозависимости (36%-ное снижение) и участия в международных организациях (34%-ное снижение риска). В отличие от всех «реалистических» и «либеральных» влияний, индекс SPLIT сопряжен лишь с 12%-ным повышением риска, причем это значение далеко от уровня статистической достоверности (0,30). Таким образом, любая из «реалистических» или кантовских переменных намного сильнее влияет на развитие межгосударственных конфликтов, чем столкновение цивилизаций.

Каковы закономерности развития конфликта внутри отдельной цивилизации и между цивилизациями?

Один из важных методов проверки тезиса, сформулированного в «Столкновении цивилизаций», состоит в том, чтобы выяснить, возникают ли межгосударственные споры внутри каждой из цивилизаций реже, чем внутри диад, представленных двумя разными цивилизациями. В предыдущих оценках мы сравнивали частоту конфликтов в диадах последнего типа со средними показателями для всех восьми цивилизаций. Но мы также можем сравнивать вероятность возникновения конфликта в диадах государств, принадлежащих к одной и той же цивилизации, с уровнем риска, характерным для любых двух представителей разных цивилизаций.

Проведя такую оценку, мы находим, что Запад являл собой наиболее мирную из всех восьми цивилизаций. Вероятность конфликта была на 74% ниже для пар, представленных двумя западными государствами, чем для разнородных пар, идентичных по всем остальным характеристикам. Запад отличался наивысшим внутренним миролюбием, что является собой результат налаживания мирных отношений между индустриальными демократиями в период после «кровопускания» Второй мировой войны. Кроме того, подобный результат, несомненно, отражает и влияние «холодной войны». Внутреннее миролюбие Запада не означает, что для него характерна исключительная склонность к конфронтации с представителями других цивилизаций. Ниже мы покажем, что такой предрасположенности нет. Православная цивилизация также достоверно была внутренне более мирной (71%), чем представители разных цивилизаций внутри пар; здесь опять проявляются последствия «холодной войны». Общность восточно-христианской культуры может помочь в объяснении

мирного состояния хантингтоновской православной цивилизации, однако несомненно, что и СССР поддерживал некое подобие мира в данном регионе до 1989 г. Принимая во внимание последующие события, ясно, что страны Восточной Европы предпочитают мир, основанный на демократии и свободной торговле. Оба эти вывода, сами по себе впечатляющие, обладают и высокой статистической достоверностью.

Снижение риска в случаях Латинской Америки и Африки также указывает на несколько более низкую конфликтность диад, оба члена которых располагаются в одном из указанных регионов, чем для пар, представленных разнородными членами, однако ни одно из этих влияний не обладает ни малейшей достоверностью: вероятность того, что подобные результаты могли быть абсолютно случайными, равна соответственно 0,44% и 0,32%. Однако для остальных четырех цивилизаций конфликтность внутри каждой из них была выше, чем в диадах представителей разных цивилизаций. В китайской и буддистской группах данное влияние обладает высокой статистической достоверностью и значительно в абсолютных показателях (повышение риска на 179% и 184%). Хантингтон характеризует исламскую цивилизацию как находящуюся в состоянии конфликта со «своими православными, индуистскими, африканскими и западно-христианскими соседями» (С. 183) – регион с «кровавыми границами» (С. 254). Если так, то кровавы у него и границы внутренние. Пары исламских государств, взятые как отдельная группа, были более склонны к конфронтации, чем диады представителей ранних цивилизаций, хотя разница не имеет статистической достоверности.

В целом все эти данные лишь в малой степени подтверждают тезис Хантингтона. Только две из восьми групп оказались внутренне явно более мирными, чем пары разнородных государств, которые, согласно его ожиданиям, должны быть подвержены конфликтам. Половина цивилизаций в период после Второй мировой войны в реальности были конфликтнее этой эталонной группы, причем две из них отличались выраженной конфликтностью. Подобного распределения результатов – статистически достоверное улучшение ситуации для двух цивилизаций, недостоверное уменьшение конфликтности для двух других, недостоверное повышение конфликтности еще для двух и статистически достоверное повышение для последних двух цивилизаций – вполне можно

было бы ожидать и в случае отсутствия связи между принадлежностью к какой-либо цивилизации и межгосударственным насилием.

Таблица II
Запад против всех остальных

	1	2	3	4	5
Все переменные даны в базисных величинах, кроме:					
intblЗАПАД против ОСТАЛЬНОГО МИРА = 1	+27%				
ЗАПАД против ИСЛАМА = 1		+19%	-15%		
ИЗРАИЛЬ против ИСЛАМА = 1			+246%		
ЗАПАД против ПРАВОСЛАВНОЙ = 1				+96%	
ЗАПАД против КИТАЙСКОЙ = 1					+150%
ALLY = 1	-48%	-50%	-46%	-50%	-51%
POWER RATIO увеличивается на 1 станд. отклонение	-37%	-37%	-37%	-39%	-33%
ДЕМОС _L увеличивается на 1 станд. отклонение	-27%	-26%	-28%	-26%	-25%
0 DEPEND _L увеличивается на 1 станд. отклонение	-35%	-35%	-31%	-36%	-40%
IGOs увеличивается на 1 станд. отклонение	-35%	-35%	-34%	-37%	-30%

Что же можно сказать об утверждении, что наиболее резкое и опасное разграничение наблюдается между «Западом и

всеми остальными»? Первоначальный вариант ответа на этот вопрос содержится в первом столбце таблицы II. Все «реалистические» и кантовские переменные, как и прежде, уверенно прогнозируют вероятность конфликта (все достоверны на уровне 0,001, кроме DEPENDL с уровнем 0,04). Кроме того, до некоторой степени подтверждается мнение Хантингтона о том, что Западу противостоят государства других цивилизаций. Риск возникновения конфронтации с применением военной силы в диадах, представленных одним западным государством и одним представителем любой другой цивилизации, на 27% выше, чем для всех остальных диад, хотя данное влияние обладает лишь маргинальной достоверностью (0,10).

В остальных столбцах таблицы II тотальное размежевание «Запад против всех остальных» уже не наблюдается. Во втором столбце мы оцениваем риск возникновения насилия в отношениях между Западом и исламом. Налицо тенденция западных и исламских государств воевать между собой чаще – при прочих равных условиях; однако само влияние – всего лишь 19% – слабее, чем можно было бы ожидать ввиду того значения, которое придавалось таким инцидентам. Эффект «Запад против ислама» во всяком случае слабее любых других, задействованных в данной модели; при этом он не обладает статистической достоверностью (при уровне 0,24). При более близком рассмотрении ослабевает даже этот эффект. По причинам, изложенным выше, мы отнесли Израиль к Западу – в отличие от Хантингтона. В третьем столбце мы показываем, что получается, если убрать из западной группы все диады, включающие Израиль, и заново определить уровень конфликтности между Западом и Израилем, отдельно классифицируя арабо-израильский конфликт. Риск военного конфликта в парах государств (исключая Израиль), содержащих по одному представителю западной и исламской групп, ниже, чем для других пар, хотя данный эффект не имеет статистической достоверности (уровень 0,25). Таким образом, эффект, показанный во втором столбце, – результат вражды между Израилем и его арабскими соседями. Неудивительно, что риск возникновения конфликта между Израилем и исламским государством значительно выше, чем в других диадах: отмечается 246%-ное увеличение такой вероятности. Якобы имеющее место столкновение между Западом и исламом на самом деле – пресловутый арабо-израильский конфликт. В случаях других западных стран какой-либо эффект отсутствует.

Но мы действительно обнаружили две группы, с которыми у Запада достоверно случается больше споров. В четвертом столбце показано, что между западной и православной группами в период 1950-1992 гг. действительно был серьезный конфликт, а в пятом столбце видна достоверно более высокая степень межгосударственного насилия между западными и «китайскими» странами. Вот к чему, в сущности, сводится гипотеза «Запад против всех остальных». Однако вместо того, чтобы связывать какие-либо из указанных результатов с различиями между цивилизациями, куда целесообразнее было бы интерпретировать их как свидетельство другого конфликта – «холодной войны», участники которой в Европе были разделены «железным занавесом», а в Азии – занавесом «бамбуковым».

Нарастает ли столкновение цивилизаций с течением времени?

Как уже отмечалось, Хантингтон предполагает, что его тезис в большей степени применим к недавнему времени, чем к более отдаленному прошлому (С. 36). Собственно говоря, он считает, что «холодная война» подавляла конфликты между цивилизациями: конфликт «Восток-Запад», сопряженный с угрозой мировой ядерной войны, был такого масштаба, что заслонил собой все другие случаи соперничества. Поэтому возможно, что проведенный нами анализ данных за 1950-1992 гг. оказался контаминирован влиянием «холодной войны» и не выявляет тех общих закономерностей конфликтов, которые должны были проявиться в результате ее ослабления. С целью проверить реальность такой возможности мы провели четыре теста с тем, чтобы в каждом случае различными методами определить, возросло ли влияние различий между цивилизациями на вероятность конфликтов внутри диад по мере того, как «холодная война» сходила на нет.

Наш первый тест был простым: мы отметили, сколько времени прошло между 1950 и 1992 годами, постарались выяснить, возросли ли на протяжении этого периода, по мере ослабления «холодной войны», эффект принадлежности членов диад к разным цивилизациям, отраженный в значениях индекса SPLIT в третьем столбце таблицы I. В этом тесте предполагалось, что в период после Второй мировой войны интенсивность «холодной войны» стабильно снижалась. Однако в результате мы обнаружили, что опасность

возникновения спора между цивилизациями с течением времени уменьшалась, а не росла.

Наш второй тест проводился таким же методом, но с более совершенным показателем интенсивности «холодной войны». Мы знаем, что «холодная война» не ослабевала стабильно из года в год. Окончание корейской войны и смерть Сталина в 1953 г. имели очень сильное влияние; в другие годы статус-кво практически не менялся. И были годы, когда интенсивность конфронтации Восток-Запад возрастала. Поэтому нам требовался показатель, который более точно отражал бы степень вражды между западным и советским блоками. Одним из таких показателей является ежегодное бремя расходов на оборону в США: объем военных расходов, поделенный на валовой внутренний продукт. Когда политики и народ в США направляли больше ресурсов в распоряжение военных – это значило, что они чувствовали себя уязвимыми, что возрастала уровень международной напряженности и риск развязывания войны. Во времена «холодной войны» источником этого чувства уязвимости был советский блок. Бремя расходов на оборону имело тенденцию уменьшаться с течением времени, что соответствовало и субъективным интерпретациям; но бывали и резкие скачки вверх, когда в конце 1960-х гг. расширялось участие США в войне в Юго-Восточной Азии, и в годы рейгановского правления, когда возобновилась конфронтация США с «империей зла». В эпоху после «холодной войны» бремя расходов на оборону в США заметно снизилось в результате резкого ослабления военно-политической напряженности, связанной с разделением мира на Восток и Запад. И целью нашего второго теста было выяснить, возросло ли влияние различий между цивилизациями по мере уменьшения расходов США на оборону. И вновь в результате получилось не то, что мы ожидали: конфликты в диадах, включавших представителей разных цивилизаций, становились более редкими по мере снижения интенсивности «холодной войны». «Холодная война», судя по всему, усиливалась, а не сглаживала культурологические различия.

Затем мы задались целью выяснить, стало ли влияние различий между цивилизациями сильнее после двух великих событий, ставших историческими вехами, каждое из которых могло бы провести водораздел в «холодной войне», отделив период, когда преобладало соперничество между Востоком и Западом, от периода, когда приобрело важность столкновение

цивилизаций. Первым потенциальным поворотным пунктом является 1979 г. – год Иранской революции. Хантингтон отмечает это драматическое событие, за которым сразу же последовал захват американского посольства в Тегеране и начало кризиса с заложниками, как точку отсчета, после которой конфликт между цивилизациями стал более рельефен. Иран оказался первым государством, где к власти пришли исламские фундаменталисты; после революции в этой стране сразу же началось усиление фундаменталистских движений во всем регионе, наиболее заметное в Афганистане и Алжире. Хотя «холодная война» продолжалась еще целое десятилетие, подъем исламского фундаментализма ослабил значение разногласий между Востоком и Западом – что Советы поняли в начале 1980-х гг., в ходе развязанной ими войны в Афганистане.

Итак, мы проводим разграничение между спорами, имевшими место в период 1950-1978 гг., и теми, что случились позднее, чтобы выяснить, возростала ли после Иранской революции частота конфликтов в диадах представителей разных цивилизаций. Оказалось, что после Иранской революции частота конфликтов между цивилизациями снизилась, а не возросла. Наконец, мы постарались выяснить, стало ли влияние показателя SPLIT, повышавшего вероятность разногласий, сильнее после того, как «холодная война» фактически завершилась. В качестве последнего года «холодной войны» мы выбрали 1988 г. и отделили споры, возникавшие в 1950-1988 гг., от тех, что произошли в период после «холодной войны». И вновь получилось, что межцивилизационные разногласия с течением времени становились реже – когда окончилась «холодная война», частота их снизилась. Многие застарелые конфликты разрешились или ослабились – в первую очередь в Афганистане, Сальвадоре, Камбодже, на Среднем Востоке и в Намибии – с прекращением «холодной войны» у сверхдержав больше не было стимулов вмешиваться в региональные конфликты.

Как ни формулировать вопрос – ответ получается один и тот же: споры между представителями разных цивилизаций отнюдь не усиливались с течением времени, по мере ослабления «холодной войны». Совсем наоборот: они стали реже. «Холодная война» не подавляла конфликты между цивилизациями. Она провоцировала насилие на региональном уровне.

Является ли фактор цивилизаций главным двигателем конфликтов?

Мы переходим к рассмотрению последнего вопроса. Если различия между цивилизациями не являются важной причиной конфликтов напрямую – не оказывают ли они важного косвенного влияния опосредованно, через те переменные, которые в наших исследованиях неоднократно становились значимыми? Возможно, главным фактором, определяющим в нашем анализе «реалистические» и кантонианские влияния, а также то, кто с кем вступает в союз, кто с кем торгует, почему те или иные страны состоят сразу во многих МПО и почему у некоторых из них существуют демократические политические системы, является цивилизационный идентитет.

Для исследования подобной возможности мы использовали четыре пары уравнений – по одной для каждой из тех четырех переменных, которые вероятнее всего могут быть подвержены влиянию различий между цивилизациями. Первое уравнение в каждой паре использовалось для прогнозирования участия членов диад в союзах, их политических систем, торговли или членства в МПО на основании нашего набора переменных: принадлежности к разным цивилизациям (SPLIT), отдаленности друг от друга, существования общих границ, наличия в диаде великой державы, а также тремя другими переменными (из числа следующих показателей: участие в союзах, торговля, МПО и нижний уровень демократии), не прогнозируемыми в данном уравнении. Таким образом, показатели союзнических отношений, взаимозависимости, МПО и демократии один за другим были объяснены с помощью всех остальных переменных. На основании этого можно судить, в какой степени варьирование значений каждой переменной может быть объяснено набором других переменных. Затем во втором уравнении для каждой пары в качестве прогностического показателя использовался индекс SPLIT – чтобы выяснить его самостоятельные возможности в этом качестве. Сравнивая эти два показателя объясненной дисперсии, мы смогли увидеть, насколько важен фактор цивилизации для объяснения каждой из прогнозируемых переменных. Если различия между цивилизациями могут во многом объяснить дисперсию показателей принадлежности к союзам, торговли, МПО и политических институтов – значит, они могут оказывать и важные косвенные влияния на вероятность конфликтов. Данный метод отличается весьма нестрогим подходом к оценке

«цивилизационной» гипотезы, поскольку индекс SPLIT – единственная переменная, оцененная изолированно, благодаря чему становится ясна его реальная прогностическая способность, которую в полной спецификации он может разделить со всеми остальными переменными.¹⁰

Союзы оказалось проще всего прогнозировать следующим образом. Уравнение в его полном виде объяснило 32% дисперсии; или, пользуясь обычными терминами, R^2 было равно 0,32, а это означает, что все переменные в их совокупности объясняли чуть меньше трети общей дисперсии частоты всех союзов по всем диадам. Члены пар, представленных разными цивилизациями, с меньшей степенью вероятности могли заключать союзы, и данное влияние было достоверно на уровне 0,001. Наиболее часто союзы заключаются внутри границ цивилизаций, смоделированных Хантингтоном, однако тому есть много исключений. Лига арабских государств состоит исключительно из исламских государств, однако Варшавский договор объединял государства как западной, так и православной цивилизаций. НАТО в основном представлено западными странами, но в число его членов входят и православная Греция, и исламская Турция. Наличие общих границ и членство в МПО также в высокой степени ассоциировались с закономерностями формирования союзов. Государства более предрасположены к вступлению в союзы с соседями, чем с более отдаленными государствами, и союзы часто представляют собой МПО и ассоциированы с другими международными организациями. Общая принадлежность к демократии и уровень торговли слабо влияли на склонность государств вступать в союзы друг с другом. В уравнении, прогнозирующем союзы лишь на основе индекса SPLIT, значение R^2 было 0,22. Сравнивая его с результатом 0,32, полученным при использовании полного набора переменных, мы видим, что цивилизационные идентитеты играют важную роль в выборе государствами своих союзников, хотя дисперсия в закономерностях формирования союзов по большей части осталась необъясненной.

Кантовские переменные с куда меньшим успехом удается объяснить различиями между цивилизациями.

---

¹⁰ Состояние раскола относительно хорошо коррелируется с некоторыми из этих переменных, особенно с союзами и МПО (0,52 и 0,46 соответственно).

1. Попытка спрогнозировать членство в МПО с привлечением всех остальных переменных была вполне успешной (дав в результате R^2 , равное 0,45). Но наиболее весомый вклад в прогноз обеспечили (в порядке перечисления) принадлежность к демократии, союзы и отдаленность друг от друга, и на четвертом месте – SPLIT. Когда прогноз строился на основании только SPLIT, значение R^2 сократилось более чем на 50% – до 0,21.
2. Полное уравнение, объясняющее двустороннюю взаимозависимость, дает значение R^2 , равное 0,26; причиной этого были в первую очередь показатели МПО, отдаленности и политических систем государств – в порядке перечисления. Индекс SPLIT не был достоверно связан с экономической значимостью торговли внутри диад; и в тех случаях, когда в уравнении он представлял собой единственную переменную, значение R^2 составляло всего лишь 0,07. Взаимозависимость, проявляемая в государственных и предпринимательских решениях, почти ничем не связана с границами цивилизаций.
3. Уравнения, прогнозирующие общность демократических политических систем, объясняли дисперсию в еще меньшей степени. Значение R^2 в уравнении, включающем все переменные, было всего лишь 0,03, в основном из-за совместного членства в МПО. Когда прогноз строился на основе только SPLIT, значение R^2 составляло 0,00. Фактор принадлежности к разным цивилизациям бесполезен при прогнозировании общности демократических систем. Поэтому эта переменная не оказывает никакого косвенного влияния на частоту межгосударственных споров. Демократии встречаются во всех хантингтоновских цивилизациях.

Подводя итог последним из полученных результатов, можно сказать, что границы между цивилизациями действительно играют значительную, хотя и ограниченную роль в формировании союзов: индекс SPLIT, взятый изолированно, объясняет более одной пятой части дисперсии переменной ALLIES. Многие союзники принадлежат к одним и тем же культурологическим группам, но одновременно существует и множество исключений. Границы между цивилизациями также влияют на членство в международных организациях, но с меньшей степенью достоверности. Они оказывают мало влияния на взаимозависимость государств или на их принадлежность к демократии. В целом принадлежность к

разным цивилизациям не оказывает влияния на кантовские переменные, достаточного для подтверждения тезиса о существовании сильного косвенного влияния на то, кто именно будет вовлечен в спор с применением военной силы. Цивилизации на это не влияют – чего нельзя сказать о кантовских и «реалистических» переменных.

Незначимость различий между цивилизациями

В «Столкновении цивилизаций» Хантингтон, казалось бы, убедительно утверждает, что фундаментальные идентитеты, основанные на особенностях культур, играют важную роль в формировании межгосударственных отношений. Он подчеркивает свою аргументацию выразительными историческими примерами, однако не подвергает последние проверке научными методами. Мы же провели систематизированную оценку «столкновения цивилизаций» на основе данных за период 1950-1992 гг. с помощью разнообразных эмпирических методов. Результаты анализа вовлеченности государств в споры с применением военной силы в эпоху после Второй мировой войны показывают, что сам факт различий между цивилизациями мало что говорит о вероятности того, что какие-либо два государства окажутся втянутыми в конфликт. Данные о том, состоит ли та или иная диада из государств, расположенных по разные стороны границы между цивилизациями, не улучшают нашей способности спрогнозировать, будут ли их отношения характеризоваться насилием, по сравнению с тем, что нам уже известно с точки зрения «реалистической» силовой политики и кантовских влияний. Более того, государства внутри четырех из восьми цивилизаций воевали между собой чаще государств, разделенных границами между цивилизациями.

Не подтверждают наши результаты и опасения Хантингтона относительно грядущего конфликта между Западом и остальным миром. Конфликты с участием Запада и других государств в первую очередь отражают соперничество Востока и Запада в годы «холодной войны». Нет никаких свидетельств столкновения между западными государствами и исламом, за исключением того, что происходит между Израилем и мусульманскими государствами. Конфликты между цивилизациями становились относительно реже, а не чаще, по мере того как «холодная война» сходилась на нет. Наконец, черты сходства

или различия между цивилизациями помогают прогнозировать закономерности вступления государств в союзы, но они мало что дают для понимания особенностей политических институтов разных стран, их участия в международных институтах или торговых операциях. Следовательно, нет причин думать, что они могут оказывать серьезное косвенное влияние на вероятность конфликтов через посредство перечисленных переменных показателей.¹¹

Хантингтон бросил вызов политикам и ученым, заставив их задуматься над той ролью, которую могут играть в международных отношениях глубинные культурологические идентитеты. Можно лишь радоваться, что роль их не столь непосредственна, как он предполагал, ибо цивилизации представляют собой высокоагрегированные формы культурологических характеристик человечества, которые с трудом поддаются изменениям. Нельзя ожидать, чтобы политика, выработанная в течение каких-то нескольких лет, изменила природу цивилизаций, складывавшихся столетиями. К счастью, собранные нами данные весьма убедительно свидетельствуют, что национальным лидерам нет нужды ставить перед собой подобные геркулесовы задачи. Цивилизации не обозначают зон «разломов», где возникают международные конфликты. Кантовские и «реалистические» влияния в данном вопросе обладают большей релевантностью. Общие связи, основанные на демократии, экономической взаимозависимости и участии в международных организациях, объединяют многие государства, при этом отделяя их от остальных. «Реалистические» влияния важнее для государств, не объединенных кантовскими связями. Для них частота конфликтов все еще определяется *Realpolitik*. Следовательно, политики должны сосредоточивать внимание на том, что они реально способны сделать: мирным путем распространять демократию, экономическую взаимозависимость и МПО в те части света, где их пока еще нет. Это – более важные и поддающиеся изменениям детерминанты межгосударственных отношений. Укрепление их помогает сглаживать то, что иначе могло бы показаться столкновением цивилизаций.

---

¹¹ Заметим, что здесь нами не анализируется насилие на внутригосударственном уровне, а также не рассматриваются акты террора, совершенные лицами, не состоящими на службе у государства, т. е. деятельность, которой Хантингтон уделяет так много внимания.

Отсутствие значимых конфликтов на почве культуры обнадеживает и по другой причине. Чувство общности идентитета у народов с демократическими формами правления представляет собой форму ощущения принадлежности к группе, которое может породить враждебность по отношению к тем, у кого приняты иные способы правления. Такой же эффект могут иметь связи, основанные на международной торговле и участии в международных организациях. Это потенциально опасный аспект кантовского «рецепта мира». Но если столь мощный культурологический фактор, как цивилизационный идентитет, оказывает столь малое влияние на вероятность возникновения конфликта внутри пар государств, возможно, что и ощущение идентичности, проистекающее из общности политических и экономических систем, не создаст особой угрозы. То, что объединяет нас с другими, не обязательно должно стать угрозой для мирных отношений с теми, кто находится за пределами конкретной группы.

Кантовский рецепт «вечного мира» также не оправдывается только общими либеральными ценностями терпимости и ненасильственного разрешения конфликтов. Уверенность в том, что демократия, взаимозависимость и участие в МПО могут создать более мирный мир, покоится отнюдь не на одних лишь культурологических трактовках мирных отношений. Скорее кантианский подход дает надежду именно потому, что не зависит исключительно от не поддающихся четкому определению ценностей, норм и общих идентитетов. В равной степени он основывается и на собственных интересах как граждан, так и политиков. Если в интересах политических элит не допускать ненужных войн и тем самым удерживать свое место в политических системах и если коммерческие интересы порождают заинтересованность в укреплении связей, которые несут с собой богатство, так оно и будет. Таким образом, мирные отношения не зависят от моральной конверсии, а в конечном итоге проистекают от расчетливых личных интересов. Цивилизации не играют в этом практически никакой роли.

Провоцируем то, чего боимся?

Не слишком ли оптимистична подобная оценка? События 11 сентября 2001 г., последующее вторжение в Афганистан и готовящаяся война между США и Ираком могут показаться

подтверждением тезисов Хантингтона: если он и поторопился, говоря о столкновении цивилизаций, не прав ли он в своей интерпретации пророческих знамений? Мы так не думаем. Афганистан, управляемый Талибаном, контролировался исламскими фундаменталистами. Он также являл собой – причем вполне добровольно – крайне репрессивный режим, отрезанный от мировой экономики и изолированный от глобальных и региональных международных организаций. То был крайний пример государства, живущего за рамками кантонианской системы. США вторглись в Афганистан не потому, что он был исламским, а потому, что он поддерживал тех, кто напал на США. Афганистан после Талибана, хотя все еще далек от стабильной демократии, очень изменился – если рассматривать его с точки зрения трех кантовских принципов.

Почти во всех странах, где большинство населения исповедует ислам, у власти находятся авторитарные режимы, хотя и не обязательно фундаменталистские. Но режимы там авторитарны отнюдь не только потому, что страны эти исламские. Многие из них должны благодарить за авторитарность «благословенный дар» земных недр, когда нефтяное богатство поддерживает коррумпированных правителей, которые могут сохранять власть, выплачивая «отступное» армии, силам госбезопасности и своим сообщникам. Другие авторитарные правительства (например, в Египте) сразу бы пали, если бы их не поддерживала у власти мощная экономическая и военная помощь со стороны США. Ислам может не склоняться в сторону демократии в своих наиболее фундаменталистских вариантах (Саудовская Аравия, а также Афганистан при талибах), однако что касается Индонезии, Мали, Сенегала и Турции, то правительства там – вполне демократические. По шкале Polity от -10 до +10 в 2000 г. все они получили 6 или более пунктов (<http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity/report.htm>). Исламскую политическую мысль никак нельзя назвать монолитной. Многие ученые полагают, что, несмотря на серьезные культурные барьеры на пути либеральной демократии в исламских обществах, возможен и исламский вариант демократии, гарантирующий населению политические права (Esposito, 1995; Esposito, Voll, 1996; Halliday, 1996; Midlarsky, 1998, Weede, 1998, и несколько глав в кн.: Beinlin, Stork, 1997). И многие исламские страны с авторитарными правительствами, тем не менее, хорошо интегрируются в глобальную экономику.

Конфронтация между США и Ираком показывает, насколько опасна может быть концепция «столкновения цивилизаций». Ирак, подобно Афганистану при талибах, управляется беспощадной диктатурой, изолированной от остального мира. Несомненно, она представляет военную угрозу для соседей, но при этом не является фундаменталистской. Не распространяет эта диктатура и идеи исламской теократии. Таким образом, трудно рассматривать конфронтацию между США и Ираком как «межцивилизационную». Предшествующие американские администрации в годы «холодной войны» успешно договаривались с куда более сильными и опасными государствами, придерживаясь «политики сдерживания и противодействия». Но отказ от политики сдерживания ради американской якобы «превентивной» войны против Ирака, начатой, когда Ирак еще не успел совершить никаких открытых актов агрессии, может вызвать столь сильные симпатии к Ираку в исламском мире, что «столкновение цивилизаций» станет самоисполняющимся пророчеством. Подобная акция США вдали от своих границ с последующей ответной реакцией, вызванной распространением войны против терроризма на исламские государства так называемой «оси зла», может стать именно тем, что надеялся спровоцировать Усама бен Ладен.

Библиография

- Adler, E., M. Barnett (eds), 1998. *Security Communities*. New York: Cambridge University Press.
- Ayers, R.W., 2000. A World Flying Apart? Violent Nationalist Conflict and the End of the Cold War, "Journal of Peace Research", 37 (1): 105-117.
- Beinin, J., J. Stork, 1997. *Political Islam: Essays from Middle East Report*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Berger, T.U., 1996. Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan, in Peter J. Katzenstein (ed.), *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press.
- Bueno de Mesquita, B., J. Morrow, R. Siverson, A. Smith, 1999. An Institutional Explanation of the Democratic Peace, "American Political Science Review", 93 (4): 791-808.

- CIA, 1994. World Factbook 1994-95. McLean, VA: Brassey's.
- Coser, L., 1956. The Functions of Social Conflict. New York: Free Press.
- Doyle, M., 1986, Liberalism and World Politics, "American Political Science Review", 80 (4): 1151-1164.
- Eisenstadt, S.N., 1985, The Transformation of Israeli Society. London: Weidenfeld & Nicholson.
- Esposito, John L. 1995. The Islamic Threat: Myth or Reality? Oxford: Oxford University Press, revised edition.
- Esposito, J.L., J.O. Voll, 1996. Islam and Democracy. New York: Oxford University Press.
- Fearon, J.D., D.D. Laitin, Explaining Interethnic Cooperation, "American Political Science Review", 90 (4): 715-735.
- Fox, J., 2002. Ethnic Majorities and the Clash of Civilizations: A Quantitative Test of Huntington's Theories, "British Journal of Political Science", 32 (3): 415-34.
- Gurr, T.R., 1992. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC: US Institute of Peace.
- , 1994. Peoples against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System, "International Studies Quarterly", 38(3): 347-377.
- , 2000. Peoples vs. States: Ethnopolitical Conflict and Accommodation at the End of the 20th Century. Washington, DC: US Institute of Peace.
- Halliday, F., 1996. Islam and the Myth of Confrontation. London: Tauris.
- Henderson, E., 1998. The Democratic Peace through the Lens of Culture, 1820-1989, "International Studies Quarterly", 42(3): 461-484.
- , 1997. Culture or Contiguity? Ethnic Conflict, the Similarity of States, and the Onset of Interstate War, 1820-1989, "Journal of Conflict Resolution", 41 (5): 649-668.
- Henderson, E., R. Tucker, 2001. Clear and Present Strangers: The Clash of Civilizations and International Conflict, "International Studies Quarterly", 45 (2): 317-38.
- Herzog, R., 1999. Preventing the Clash of Civilizations: A Peace Strategy for the Twentieth Century. New York: St. Martin's.
- Holmes, S., 1997, In Search of New Enemies, "London Review of Books", 24 April: 3-10.
- Huntington, S.P., 1993a. The Clash of Civilizations?, "Foreign Affairs", 72 (3): 22-49.

- , 1993b. If Not Civilizations, What?, "Foreign Affairs", 72 (4): 186-194.
- , 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster.
- , 1999. The Lonely Superpower, "Foreign Affairs", 78 (2): 35-50.
- , 2000. Try Again: A Reply to Russett, Oneal & Cox, "Journal of Peace Research", 37 (5): 609-10.
- Jagers, K., T.R. Gurr, 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data, "Journal of Peace Research", 32 (4): 469-482.
- Kant, I., 1970 [1795]. Perpetual Peace: A Philosophical Sketch, in Kant's Political Writings, ed. Hans Reiss, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaplan, R.D, 1993. Balkan Ghosts: A Journey through History. New York: Vintage.
- Kugler, J., D, Lemke (eds), 1996. Parity and War; Evaluations and Extensions of the War Ledger. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Kurth, J., 1998. Inside the Cave: The Banality of I.R. Studies, "National Interest", 53: 29-40.
- Lian, B., J.R. Oneal, 1997. Cultural Diversity and Economic Development, "Economic Development and Cultural Change" 46 (1): 61-78.
- Mercer, J., 1995. Anarchy and Identity, "International Organization", 49 (2): 229-252.
- Midlarsky, M., 1998. Democracy and Islam: Implications for Civilizational Conflict and the Democratic Peace, "International Studies Quarterly", 42 (3): 485-511.
- Moynihan, D.P., 1993. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. New York: Oxford University Press.
- Oneal, J.R., B. Russett, 1999. Assessing the Liberal Peace with Alternative Specifications: Trade Still Reduces Conflict, "Journal of Peace Research", 36 (4): 423-442.
- , 2000. A Response to Huntington, "Journal of Peace Research", 37 (5): 611-12.
- Reiter, D., A.C. Stam, 2002. Democracies at War. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Risse-Kappen, T., 1995. Democratic Peace – Warlike Democracies? A Social-Constructivist Interpretation of the Liberal Argument, "European Journal of International Relations", 1 (4): 491-518.

- Russett, B., 1993. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Russett, B., J.R. Oneal, 2001. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations. New York: Norton.
- Russett, B., J.R. Oneal, M. Cox, 2000. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism *Đĩđĩ Vu?* "Journal of Peace Research", 37 (5): 583:608.
- Sadowski, Y., 1998. The Myth of Global Chaos. Washington, DC: Brookings.
- Shaw, R.P., Y. Wong, 1988. Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism, and Patriotism. Boston, MA: Unwin Hyman.
- Simmel, G., 1898. The Persistence of Social Groups', "American Journal of Sociology", 4: 662-698, 829-836.
- Singer, J.D., M. Small, 1995. National Military Capabilities Data. Correlates of War Project, University of Michigan. Modified 12/28/94.
- Tipson, F.S., 1997. Culture Clash-ification: A Verse to Huntington's Curse, "Foreign Affairs" 76 (2): 166-169.
- Wallensteen, P., M. Sollenberg, 1999. Armed Conflict 1989-98, "Journal of Peace Research", 36 (5): 593-606.
- Walt, S., 1997. Building up New Bogeymen, "Foreign Policy", 106: 177-189.
- Weede, E., 1998. Islam and the West: How Likely is a Clash of These Civilizations?, "International Review of Sociology", 8 (2): 183-195.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод не авторизованный)